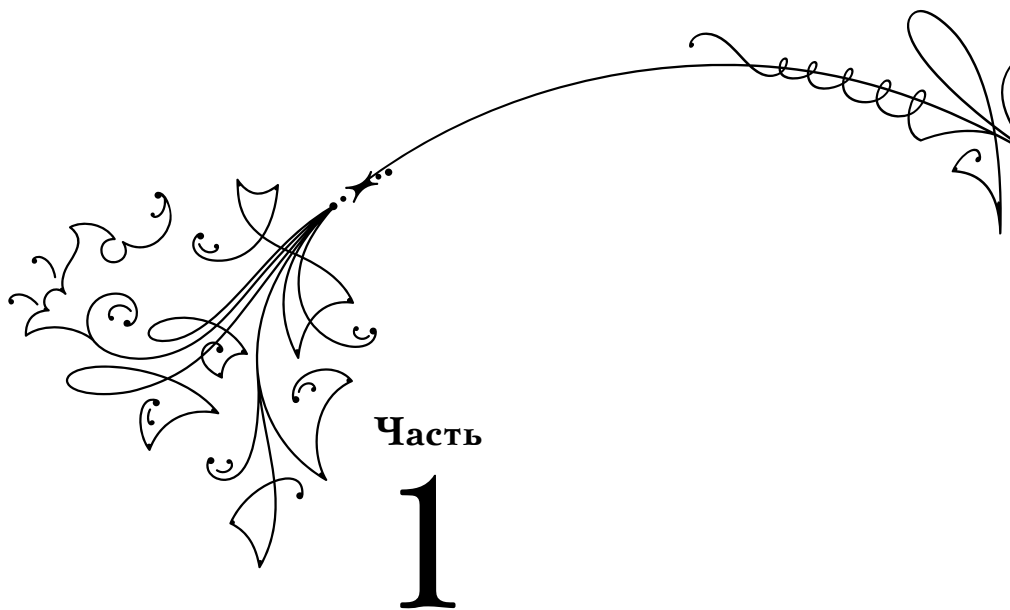
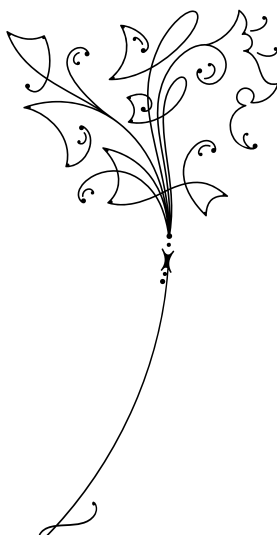

*Обычный человек,
или Правда
вместо легенды*

ОШО

Автобиография духовно неправильного мистика

Вопрос: Кто вы такой?

Ответ: Я – это просто я. Не пророк, не мессия, не Христос. Самый обычный человек... такой же, как вы.

Вопрос: Но ведь не совсем такой же!

Ответ: Это правда... не совсем! Вы все еще спите, но разница между нами не так уж велика. Когда-то я тоже спал. Однажды вы проснетесь. Вы можете проснуться прямо сейчас, вам никто не мешает. Сравнить нас бесполезно.

*Из беседы с Робертой Грин,
«Санта Анна Реджистер», округ Оранж, Калифорния*

ВОСПОМИНАНИЯ ЗОЛОТОГО ДЕТСТВА

Я никогда не был духовным человеком в обычном смысле этого слова*. Я не посещал церковь, не ходил в храмы, не читал священных писаний и не соблюдал обрядов в поисках истины, никогда не поклонялся Богу и ни о чем его не просил. Это совершенно не мой путь. Вы с уверенностью можете сказать, что я не делал ничего духовного. Но для меня духовность имеет совершенно иное значение. Чтобы быть духовным, нужно быть честным и обладать истинной индивидуальностью. Духовность не допускает зависимости. Наоборот: она создает свободу ради самой свободы, чего бы ей это ни стоило. Духовность не для толпы. Толпа слишком далека от истины. Истину можно познать лишь в одиночестве.

Поэтому моя духовность отличается от вашей. Истории моего детства, если вы сможете понять их, так или иначе указывают на то, что значит духовность в моем понимании.

* Выделенный таким образом текст открывает цитату. В конце книги вы можете найти список ссылок на источники.

Вы никогда бы не сказали, что эти истории полны духовности, но для меня это так, потому что в те моменты я получал все, о чем человек может только мечтать.

Слушая рассказы о моем детстве, постарайтесь увидеть и услышать, что стоит за словами. Обращайте внимание не на события, а на нечто едва уловимое, что тонкой нитью пронизывает их всех. Именно эту тонкую нить я и называю духовностью.

Для меня духовность – это просто-напросто поиски себя. Я никому не позволял делать это за меня, ведь это невозможно. И вам тоже придется искать себя самим.

1931–1939. Кучвада, Мадья-Прадеш, Индия ◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Я вспоминаю небольшую деревню, в которой родился. Почему существование выбрало именно это место, непонятно. Но значит, так оно и должно было быть. Там было чудесно. Я много путешествовал, но нигде не встречал такой красоты. Впрочем, в мире не бывает повторений. Все приходит и уходит, и одно не похоже на другое.

Я закрываю глаза и вижу ту маленькую тихую деревушку: всего несколько хижин вокруг пруда и высокие деревья, среди которых я играл. У нас не было школы. И это очень важно, потому что меня никто не образовывал почти целых девять лет. А это как раз тот возраст, когда закладывается основа человека. После этого, как ни старайся, уже ничего не изменишь. Поэтому в каком-то смысле я так и остался неучем, хотя теперь у меня много ученых званий – и не просто званий, а высших степеней. Но любой дурак может получить высшую степень в чем угодно. Каждый год степени получают так много дураков, что все их регалии не имеют никакого значения. Важно лишь то, что в первые годы моей жизни мне никто ничего не навя-

зывал. В деревне не было ни школы, ни почты, ни вокзала, ни даже обычной дороги. Какое блаженство! Наша крохотная деревушка была оторвана от остального мира. И даже потом, вдали от дома, я так и остался необразованным.

Я встречал множество людей, но жители той деревни остались для меня самыми невинными из всех лишь потому, что были очень простыми. Они ничего не знали о цивилизации. Они в жизни не видели ни одной газеты. Теперь вы понимаете, почему там не было школы. Не было даже начальной школы. Как мне повезло! Современным детям редко выпадает такое счастье.

* * *

В прошлом детей женили прежде, чем им исполнилось десять лет. Иногда родители устраивали их судьбу еще до того, как они появлялись на свет. Просто двое друзей решали между собой: «Наши жены беременны, и если у меня родится мальчик, а у тебя девочка, то пусть они поженятся. По рукам!» Никому даже в голову не могло прийти спрашивать согласия у детей, они ведь еще даже не родились! Но если у одного рождался мальчик, а у другого девочка, то все уже было решено. И родители держали слово.

Мою мать выдали замуж, когда ей было семь лет. Отцу было не больше десяти, и он вообще не понимал, что происходит. Я часто спрашивал его: «Что тебе больше всего понравилось в твоей свадьбе?» А он отвечал: «Ехать верхом на лошади». Естественно! Впервые он был одет как раджа. За поясом у него висел кинжал, и он возвышался над остальными. Все смотрели только на него. Конечно, ему это страшно понравилось. Но больше он о своей свадьбе не помнил ничего. О медовом месяце не было и речи. В какое свадебное путешествие могут отправиться десятилетний

мальчик с семилетней девочкой? В Индии нет такого понятия как медовый месяц. Впрочем, в прошлом его не было нигде.

Когда моему отцу было десять, а матери – семь, умерла мать моего отца. И уже через год-два после свадьбы вся ответственность за семью легла на плечи моей матери, которой было всего девять лет. У моего отца было еще две сестры и брат – в их семье было четыре ребенка. И заботиться о них пришлось девятилетней девочке и двенадцатилетнему мальчику. Мой дед по отцовской линии не любил жить в городе, где он держал небольшую лавку. Он предпочитал жить в деревне. Когда его жена умерла, он оказался абсолютно свободным. В то время государство раздавало бесплатные земельные участки, поскольку земли было много, а обрабатывать ее было некому. Мой дед получил пятьдесят акров, а лавку отдал детям, моим родителям. Отцу было двенадцать, а маме – девять. Деду нравилось возиться в саду. Он наслаждался свежим деревенским воздухом. Жизнь в городе его совершенно не привлекала.

Моему отцу так и не пришлось познать свободу, коей обладает современная молодежь. Он никогда не был безработным юношей. Еще до того, как он мог бы стать подростком, он уже стал взрослым, потому что заботился о братьях и сестрах и содержал лавку. Когда ему исполнилось двадцать, пришла пора устраивать браки своих сестер и брата и платить за их обучение.

Я никогда не называл маму «мамой», потому что еще до моего рождения она уже была матерью троих детей, которые называли ее «бхабхи». Это значит «жена брата». Я тоже стал называть ее «бхабхи», услышав это имя от других детей.

Однако воспитали меня дедушка и бабушка по материнской линии. Одинокие старики, они очень хотели, чтобы рядом был ребенок, который скрасил бы остаток их

дней. Вот мои родители и решили отправить меня, их старшего сына, первенца, к ним на воспитание.

Я почти не помню, как жил с родителями. Детство я провел среди стариков: дедушка, бабушка и их давний слуга, замечательный человек. Их было трое... но разница в возрасте была огромна, и я жил в полном одиночестве. Старики не могли составить мне компанию, как бы им этого ни хотелось. А никого другого рядом не было, потому что в этой маленькой деревушке наша семья была самой богатой.

Жителей в округе было всего-навсего человек двести, и все они были такими бедными, что мои родители запрящали мне играть с местной детворой. Дети там были ужасно грязными и совсем нищими. В общем, дружить мне было не с кем. Это оказало на меня огромное влияние. За всю жизнь у меня так и не было настоящих друзей. Были знакомые, приятели, но не друзья.

В детстве я был так одинок, что в итоге научился любить одиночество – это действительно блаженство. Одиночество не было каким-то проклятием для меня, оно приносило мне истинную радость. Я стал самодостаточным и научился ни от кого не зависеть.

Игры меня никогда не интересовали по той простой причине, что в детстве я никогда не играл – вокруг меня не было других детей. Я все еще вижу себя маленьким: я просто сидел.

Наш дом находился в чудесном месте. Он стоял прямо на берегу озера, протянувшегося на много миль вперед. Оно было таким прекрасным и безмолвным. Лишь изредка, время от времени, над головой пролетали стаи белых журавлей или раздавались крики птиц. Тогда покой нарушался, но в целом это было идеальное место для медитации. И даже если воздух пререзал крик влюбленной птицы... после этого тишина становилась только глубже.

Озеро было усыпано лотосами, и я мог часами сидеть на берегу, такой довольный, словно в мире не было ничего, кроме лотосов, белых журавлей и тишины...

Вскоре мои бабушка и дедушка заметили, что больше всего на свете мне нравилось одиночество. Они видели, что у меня не было желания идти в деревню и с кем-то знакомиться или с кем-то беседовать. Даже если они сами хотели со мной поговорить, я отвечал им кратко «да» или «нет». Мне было не интересно говорить. И поняв, что я люблю одиночество, они посчитали своим долгом охранять мой покой.

Итак, целых семь лет никто не посягал на мою невинную, безмятежную жизнь. Было просто некому. Эти три старика, что жили в нашем доме, бабушка с дедушкой, да их слуга, защищали меня от внешнего мира, как могли. На самом деле с возрастом мне даже стало как-то неловко, что из-за меня они не разговаривали и были не такими, как все. Детям часто говорят: «Не шуми, папа работает, или дедушка отдыхает. Не болтай, сиди тихо». Со мной же все было наоборот. Сейчас я не могу сказать, почему и как это произошло. Но так уж вышло. Моей заслуги тут нет.

Три старика постоянно делали друг другу знаки: «Не отвлекай его, ему так хорошо». И они тоже полюбили тишину.

Тишина обладает особыми вибрациями. Молчание разительно. Особенно детское, если в нем нет принуждения, если оно случается не потому, что кто-то приказал молчать или строго сказал: «Будешь шуметь – накажу», – это вовсе не тишина.

В таком молчании нет радостных вибраций, о которых я говорю, нет того аромата, который ощущается, когда ребенок молчит просто так, просто потому что ему захотелось. Он счастлив безо всякой причины. И тогда все вокруг тоже испытывают блаженство.

Итак, по простому стечению обстоятельств целых семь лет меня никто не трогал: никто от меня ничего не требовал, не пытался подготовить меня к миру бизнеса, политики или дипломатии. Бабушке с дедушкой очень хотелось, чтобы я рос естественным, – особенно бабушке. Она и была главной причиной. Это мелочь – но из подобных мелочей складывается целая жизнь.

Именно благодаря ей я искренне уважаю женщин и женское начало в целом. Она была простой женщиной, необразованной, но чрезвычайно чувствительной. Деду и слуге она так прямо и сказала: «Мы прожили никчемную жизнь. Как были пустыми, такими и остались. А на пороге смерти. Давайте не будем мешать мальчику» Бабушка настаивала: «Что мы можем ему дать? Сделать такими же, как мы? Но мы – ничто. Так дайте хоть ему возможность быть самим собой».

Я слышал, как ночами они спорили, думая, что я уже сплю. «Ты говоришь, что так лучше. Я, конечно, с тобой согласен – не унимался дед, – но он ведь не наш сын, и рано или поздно его заберут родители. Что они скажут? – „Вы его ничему не научили. Он абсолютно не воспитан, настоящий дикарь!“»

Но бабушка была спокойна: «Ну что ты волнуешься? В этом мире все цивилизованны, у каждого есть манеры, и все знают этикет. Так и что с того? Вот ты – хорошо воспитан, но посмотри, чего ты достиг? В худшем случае родители просто разозлятся. Ну и что? Пусть себе злятся. Ничего страшного, а к тому времени мальчик станет уже сильным, и они не смогут сбить его с толку».

Я чрезвычайно благодарен бабушке. Время от времени мой дед вновь заводил подобные разговоры, беспокоясь о том, что рано или поздно родители во всем обвинят именно его. «Вот приедут и скажут: „Мы доверили тебе ребенка, а ты его ничему не научил“».

Но бабушка не хотела даже нанять мне учителя. В деревне был один человек, который мог бы научить меня основам чтения, математики и географии. Сам он закончил четыре класса – в Индии это называется начальной школой. В деревне этот человек считался самым умным. «Он мог бы приходить к нам и учить нашего мальчика. Пусть хоть алфавит выучит и считать научится. Чтобы потом родители не говорили, что мы впустую потратили семь лет», – убеждал дед бабушку.

Но бабушка отвечала: «Вот заберут его и пусть делают, что хотят. А эти семь лет он будет таким, какой есть, и мы не станем ему мешать». Она всегда говорила одно и то же: «Ты ведь умеешь читать – и что? Умеешь считать – и...? Денег у тебя все равно нет, ты хочешь, чтобы у него тоже не было денег и чтобы он жил, как ты?»

На этом их спор прекращался. А что было делать? Деду было трудно, потому что с этим не поспоришь. Он знал, что отвечать придется именно ему. Зять придет и скажет: «Что ты наделал?» Так бы оно и было, но, к счастью для себя, дед умер еще до того, как меня забрали.

Позже мой отец часто повторял: «Во всем виноват этот старик. Это он испортил мне ребенка». Но к тому времени я был уже достаточно независимым и сразу расставлял все точки над «i». «Не смей говорить при мне ни единого плохого слова о дедушке. Он спас меня от твоих нравоучений. И тебя это злит. У тебя есть другие дети, вот их и воспитывай. Потом посмотрим, кто из нас окажется испорченным».

У него действительно были другие дети: они все рождались и рождались. Я даже иногда подшучивал над отцом: «Ну, пожалуйста, роди нам еще одного ребеночка. Пусть будет целая дюжина. Одиннадцать детей? Люди спрашивают: „Сколько у вас детей?“ Стыдно как-то говорить, что всего одиннадцать. Вот целая дюжина – это да. Впечатляет!» А позже я ему говорил: «Ты по-прежнему калечишь

детей. А я – дикарь. Дикарем и останусь». И действительно, мне удалось избежать оков цивилизации.

* * *

Мой дедушка был очень щедрым человеком. Он был беден, но никогда не скупился. Он был готов отдать последнюю. Именно он научил меня делиться с людьми всем, что у меня есть. Я никогда не видел, чтобы он отказал нищему, да и вообще кому бы то ни было.

Я звал его «нана». В Индии так обращаются к отцу матери. А мать матери называют «нани». Я как-то спросил у деда: «Нана, где ты нашел такую красивую жену?» Лицо у нее было совсем не индийским, она была больше похожа на гречанку. Бабушка была сильной женщиной, очень сильной. Нана умер рано, ему не было и пятидесяти. А бабушка прожила до восьмидесяти. У нее было отменное здоровье. Никто и не думал, что она может умереть. Я обещал ей, что обязательно приеду на ее похороны. И я сдержал обещание. Она умерла в 1970 году. Тогда в последний раз я видел свою родню.

Когда я был совсем маленьким, я считал нани своей мамой. Это были те самые годы, в которые происходит становление человека. Родная мать появилась позже. К тому времени я уже вырос, и у меня сложилось собственное отношение к жизни. Спасибо моей любимой бабушке. Дедушка тоже очень меня любил, но помочь мне не мог ничем. Он был любящим, но чтобы помогать, нужно обладать чем-то большим – нужно быть сильным. Он всегда боялся бабушки. В каком-то смысле он был подкаблучником. И все же он любил меня и помогал... что поделаешь, если он действительно был подкаблучником? Почти все мужья такие – девяносто девять и девять десятых процента. Так что это нормально.

* * *

Конечно, моего деда можно понять. Своим поведением я доставлял ему много неприятностей. Целыми днями он сидел на своем *гадди* – в Индии так называются кресла для богатых людей – и выслушивал жалобы на мой счет намного чаще, чем принимал заказы! Но он всегда отвечал: «Я готов возместить вам ущерб, однако наказывать его не стану».

Я был очень непослушным ребенком, но он терпел все мои выходки... Даже я на такое не способен. Если бы мне пришлось воспитывать ребенка несколько лет... Упаси господи! Несколько минут – и я вышвырнул бы его за дверь навсегда. Возможно, те годы были для моего деда похожи на чудо. И он был вознагражден за свое невероятное терпение. Я видел, как с каждым днем он становился все более и более спокойным. Иногда я даже говорил ему:

– Нана, почему ты меня не накажешь? Как ты можешь все это терпеть?

И вы не поверите, но он плакал! Слезы сами катились у него из глаз. Он говорил:

– Наказать тебя? Я просто не могу. Себя могу, а тебя – не могу.

Никогда, ни на одно мгновение я не видел в его глазах и тени обращенного в мою сторону гнева, хотя поверьте, я вытворял такое, что ни под силу даже тысяче детей. С самого утра, еще до завтрака, я уже начинал озорничать – и так до глубокой ночи. Домой я возвращался поздно, иногда в три-четыре часа утра... Каким замечательным человеком был мой дед! Он никогда меня не упрекал и ни разу не сказал: «Ты вернулся слишком поздно. Дети не должны гулять так долго». Ни разу! Наоборот, он даже старался не смотреть на часы.

Он ни разу не повел меня с собой в храм, который посещал регулярно. Я вообще-то сам туда заглядывал, но толь-

ко тогда, когда служба уже заканчивалась. Я воровал там пирамидки-призмы. В храме было много подсвечников с очень красивыми пирамидками. Думаю, что потихоньку я стащил их все. Когда бабушке об этом сказали, он ответил:

– Ну и что! Я сам подарил храму эти подсвечники. Могу подарить еще. Он их не крал. Как он мог украсть то, что принадлежит его нана. Этот храм построен на мои деньги.

Тогда священник перестал жаловаться. Какой смысл? Ведь он был всего лишь слугой моего наны.

Нана ходил в храм каждое утро и ни разу не позвал меня с собой. Он не хотел навязывать мне какую-либо религию. И это здорово... не навязывать свои взгляды. Люди так часто внушают беспомощным детям те или иные религиозные истины. Но мой дед не поддавался этому искушению. Да, я называю это величайшим из искушений. Когда вы понимаете, что обладаете властью над кем-то, вы так или иначе начинаете этим пользоваться. Дед же ни разу не сказал мне: «Я – джайн, и ты должен быть джайном».

Я очень хорошо помню один случай. В то время шла перепись населения, и к нам в дом пришел какой-то чиновник. Он задавал много вопросов и среди прочих спросил деда о том, какую религию тот исповедует.

– Джайнизм, – ответил дед.

Затем чиновник спросил о религии моей бабушки, а нана сказал:

– Спросите у нее. Религия – это частное дело каждого. Лично я никогда ее об этом не спрашивал.

Какой был человек!

Бабушка же ответила так:

– Я не придерживаюсь вообще никакой религии. Все это для меня детский лепет.

Чиновник был в шоке. Даже я был потрясен. Она не исповедует никакой религии! В Индии найти нерелигиозную

женщину попросту невозможно. Но она родилась в Каджурахо, скорее всего, в семье тантристов, а они не признают никаких религий. Они медитируют, но не относят себя ни к какой конфессии.

Для западного человека это звучит абсурдно: медитация, не связанная с религией. Да, да, так и есть... на самом деле, если вы религиозны, вы не можете медитировать. Религия мешает медитации. Медитации не нужен бог, ей не нужен ни ад, ни рай, ни страх наказания, ни обещания вечного блаженства. Медитация не имеет ничего общего с мыслями, она случается тогда, когда их нет, а поскольку религия идет от ума, то она и существует исключительно в уме.

Нани никогда не ходила в храм, но она научила меня одной мантре. Я еще никому об этом не рассказывал. Это джайнская мантра, но к джайнизму она имеет мало отношения. Ее связь с этой религией – чистая случайность...

*Намо арихантанам намо намо
 Намо сиддханам намо намо
 Намо уваддэсхайянам намо намо
 Намо лойе савва сахунам намо намо
 Аэсо панч наммукаро
 Савва паватпанасано
 Мангалам ча саввесам падхамам хавай мангалам
 Атиханте саранам паваддэсхами
 Сиддхе саранам паваддэсхами
 Саху саранам паваддэсхами
 Намо арихантанам намо намо
 Намо сиддханам намо намо
 Намо уваддэсхайянам намо намо
 Ом шанти, шанти, шанти...*

Теперь я попытаюсь ее перевести:

*«Я склоняюсь к стопам...
припадаю к ногам ариханты...»*

Ариханта – так в джайнизме называют того, кого в буддизме зовут *архатом*: человека, достигшего наивысшей цели и которому больше ничего не нужно. Он обрел дом и отвернулся от остального мира. Он не создает религий или хотя бы учений. Он вообще ни о чем не рассказывает. Конечно, таких запоминают. Лучше всего запоминают тех, кто знает, но хранит безмолвие. Уважают не за слова, а за тишину, не за служение людям, а за познание самого себя. Не важно, отдавал он себя другим или нет, это уже второй вопрос. Главное, что он обрел себя, ведь в нашем мире это так трудно...

Арихантой джайны называют того, кто познал свое «Я» и настолько погрузился в себя, настолько опьянен великолепием своего прозрения, что забыл обо всем на свете. В буквальном переводе «ариханта» означает «убивший врага», и этот враг – эго. Итак, первая строка мантры означает: «Я касаюсь стоп того, кто обрел себя».

Вторая строка: «*Намо саттханама намо намо*». Эта мантра не на санскрите, а на пракрите, языке джайнов. Он древнее санскрита.

Само слово «санскрит» означает «улучшенный», «очищенный». Значит, до него уже был какой-то язык, иначе что было очищать? «Пракрит» означает «неочищенный», «естественный», «сырой», и джайны правы, когда утверждают, что их язык – самый древний. Их религия, между прочим, тоже самая древняя. Так вот, эта мантра с пракрита, сырого и неочищенного языка, переводится следующим образом:

*«Я касаюсь стоп того,
кто стал своей сущностью».*